На правах рукописи

РОМАНОВСКАЯ ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА А. П. ПЛАТОНОВА В ШВЕЦИИ

Специальности – 10.01.01 – русская литература,
10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература стран германской и романской языковых семей)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание научной степени
кандидата филологических наук

Воронеж - 2019

Работа выполнена на кафедре классической филологии, русской литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, **Спиридонова Ирина Александровна**

Официальные оппоненты: Колесникова Елена Ивановна, доктор филологических наук, ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук», отдела новейшей русской литературы, старший научный сотрудник

Кобленкова Диана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова», кафедра эстетики, истории и теории культуры, профессор

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук**

Защита состоится «8» мая 2019 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета Д. 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте ВГУ по адресу: http://www/science.vsu.ru/disser.

Автореферат разослан «5» апреля 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Александр Анатольевич Житенев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертации. Диссертационное исследование посвящено изучению рецепции творчества А. П. Платонова в Швеции. Наследие выдающегося русского писателя XX в. привлекает внимание богатством, выразительностью языка, самобытным художественным миром, глубоким осмыслением проблем жизни. В сочинениях Платонова зарубежный читатель открывает для себя революционную историю России XX в., прогностический взгляд в будущее, онтологию бытия. Широкий диапазон мнений о писателе в Швеции представлен метафорической формулой: «Кто такой Андрей Платонов? Бутылочная почта из прошлого или космическая ракета из будущего?» (С. Йонссон). Платонов жил и писал в начальные десятилетия XX в. – время утопических проектов, революций и мировых войн. Возвращение, а точнее открытие его произведений, стало одним из главных событий отечественной и мировой литературы второй половины минувшего столетия. Творчество Платонова вошло в классический фонд литературы: со временем содержание и значение его прозы не только не убывает, но и возрастает. Платонова переводят, издают, изучают в разных странах: в Англии, Франции, Германии, Польше, Нидерландах, Украине, Бельгии, Китае, Японии – и список этот всё пополняется. Зарубежные платоноведы затрагивают различные литературоведческие, филологические и культурологические проблемы: биографии художника (Т. Лангерак), типологии творчества (А. Кеба), гендера (Ф. Буллок), жанра (Х. Гюнтер), лингвистической интерпретации платоновского текста (Б. Дооге, А. Ливингстон, Р. Ходель), перевода на иностранные языки (Н. Сусуму, Р. Чандлер) и другие.

Набирающая в XXI в. актуальность тема восприятия и осмысления феномена Андрея Платонова в мировой литературе и культуре обусловила необходимость изучения специфики литературно-критической рецепции его художественного наследия в Швеции.

К настоящему времени творчество Платонова существует в шведской культуре и литературе без малого 100 лет. Это уникальный инонациональный опыт прочтения Платонова, важный для отечественной и мировой литератур, который еще не стал предметом научной рефлексии.

В представленной диссертации собраны и изучены шведские художественные переводы, критика и научные исследования творчества Платонова. В работе дана периодизация освоения творчества русского писателя-философа в Швеции, рассмотрены историко-культурные предпосылки и литературные контексты появления шведских переводов и изданий произведений Платонова, проанализированы материалы шведской критики и литературоведения, посвященные его творчеству.

Научная новизна. В диссертационном исследовании впервые представлен целостный историко-литературный анализ рецепции творчества Платонова в Швеции. В научный обиход введены новые источники: первый

перевод рассказа «En mästares tillkomst» («Происхождение мастера», 1929), сборник «14 sovjetryska berättare» («14 советских русских писателей», 1929), критический обзор В. Шварц «Tvärsnitt genom sovjetlitteraturen» («Сквозь советскую литературу», 1938) и др. Установлены и изучены шведские переводы произведений Платонова. В разное время на шведский язык были переведены пять произведений А. Платонова: «Происхождение мастера» (1929), «Чевенгур» (1973, 2016), «Котлован» (2007), «Счастливая Москва» (2008), «Джан» (2009). Рассмотрена деятельность переводчиков Й. Ривкина, С. Вальмарка, К. Эберг Линдстен. Дан анализ реконструкции образов мировой литературы Гамлета и Дон Кихота в художественном мире Платонова и шведской литературе (С. Вальмарк, Й. Лундстед, А. Стриндберг, Г. Фрёдинг и др.), а также типологических связей платоновского творчества с творчеством зарубежных писателей (К. Ю. Л. Альмквиста, Я. Вассермана). Проанализированы шведские рецензии на творчество Платонова (М. Нюдаль, К. Энандер, П. Викторссон, У. Эрикссон, А. Хаглунд, П. Дальман, М. Экман, Х. Хальгрен, Е. Бекстедт, А. Тихий, С. Йонссон, К. Ваерн, Э. Лёвендаль, С. Эгрен, Я. Карлссон, Г. Редемо и др.) и филологические исследования художественного мира писателя (П.-А. Бодин, К. Ингдаль, Л. Шёквист, Т. Лане, К. Эберг Линдстен, И. Сандомирская, Г. Страндберг и др.).

Объектом научного исследования стали:

– сочинения Платонова, переведенные на шведский язык: рассказ «En mästares tillkomst» («Происхождение мастера»), повести «Grundgropen» («Котлован»), «Dzjan» («Джан»), романы «Don Quijote i revolutionen», «Tjevengur» («Чевенгур»), «Lyckliga Moskva» («Счастливая Москва»).

– шведские литературоведческие, критические, справочные статьи и монографические исследования, посвященные творчеству Платонова, изданные на шведском, английском и русском языках.

– авторитетные издания сочинений Платонова на русском языке, в том числе первые книги научного издания «Сочинений» и «Архива А. П. Платонова», подготовленные в ИМЛИ РАН под общей редакцией Н. В. Корниенко, а также отдельные прижизненные авторские сборники и публикации в периодической печати.

Материалом для сравнительного изучения послужили произведения зарубежных писателей (М. де Сервантеса, В. Шекспира, К. Ю. Л. Альмквиста, Я. Вассермана, А. Стриндберга, Г. Фрёдинга) и авторов советской литературы (Г. Алексеева, И. Бабеля, М. Зощенко, Вс. Иванова, Б. Пильняка, П. Романова и др.), изданные на русском и шведском языках; переводы произведений Платонова на другие европейские языки (С. Лоэб, М. Олсуфьевой, Р. Чандлера и др.).

Предметом исследования является восприятие творчества Платонова в шведской культуре, специфика шведских интерпретаций художественного наследия русского писателя.

Цель диссертационного исследования – дать историко-литературную реконструкцию и охарактеризовать особенности рецепции художественного наследия А. П. Платонова в Швеции. Поставленная цель предполагает выполнение следующих **задач**:

1) установить и проанализировать шведские художественные переводы и издания произведений Платонова, а также научные, критические, справочные материалы, посвященные его творчеству;

2) дать периодизацию рецепции творчества Платонова в Швеции;

3) изучить историко-литературные предпосылки и контексты переводов и изданий произведений писателя на шведский язык, охарактеризовать индивидуально-авторские и культурно-типологические особенности переводов;

4) рассмотреть характер и динамику литературно-критического осмысления творчества А. Платонова в Швеции;

5) исследовать специфику восприятия поэтики Платонова, установить сходства и различия в осмыслении художественного мира писателя (тем, идей, жанров, сюжетов, мотивов, образов) шведскими и отечественными литературоведами и критиками;

6) проследить эволюцию взглядов на творчество писателя с момента первого шведского перевода и первых откликов на его творчество по настоящее время.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы исследования**: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический и структурно-аналитический. При выстраивании общей картины рецепции творчества Платонова в Швеции базовым стал системный подход, сочетающий хронологический и рецептивно-эстетический принципы организации материала.

Теоретической базой исследования послужили работы по теории и истории литературоведения Л. Э. Блумквиста, М. Л. Гаспарова, Н. О. Нильссона, Х. Окерстрема, И. В. Силантьева, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, Ч. Улофссон, В. Е. Хализева, М. Юнггрена и др.; проблемам литературной рецепции С. А. Г. Абышовой, О. Г. Абрамовой, В. Ф. Асмуса, Р. Барта, А. И. Белецкого, Л. Э. Блумквиста, М. К. Бронич, В. В. Виноградова, А. Н. Иванова, О. Дискаччати, Е. Ермолаевой, М. Катковой, Е. В. Куликовой, Т. Лангерака, Т. Р. Ленхобоевой, Н. Н. Левакина, Е. Г. Мельниковой, Н. О. Нильссона, И. С. Шаваринского, Д. М. Шарыпкина, Х. Р. Яусса и др.; теории перевода М. Л. Гаспарова, Г. Р. Гачечиладзе, В. Н. Комиссарова, В. С. Виноградова; проблемам творчества А. Платонова О. Ю. Алейникова, К. А. Баршта, Л. Э. Блумквиста, М. В. Богомоловой, П.-А. Бодина, Н. Н. Брагиной, В. В. Васильева, В. Ю. Вьюгина, А. Ю. Грязновой, Х. Гюнтера, В. С. Давтян, М. А. Дмитровской, Б. Дооге, А. А. Дырдина, Н. В. Злыдневой, К. Ингдаль, К. Эберг Линдстен, А. Кебы, Е. И. Колесниковой, Н. В. Корниенко, Х. Костов, С. И. Красовской, Е. В. Куликовой, Т. Лангерака, Т. Лане,

Н. М. Малыгиной, Э. Маркштайн, М. Ю. Михеева, Т. А. Никоновой, Н. В. Пенкиной, Н. Г. Полтавцевой, В. А. Подороги, Т. Б. Радбиля, И. Сандомирской, Т. Сейфрида, И. А. Спиридоновой, Н. Сусуму, Р. Ходеля, В. А. Чалмаева, Р. Чандлера, Е. А. Яблокова и др.

В качестве материалов, важных для описания культурно-исторического контекста, привлекались работы отечественных и зарубежных литературоведов и культурологов, а также интервью с К. Эберг Линдстен.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Освоение творчества А. Платонова в Швеции происходило в три ключевых этапа:

1920–1930-е гг.: первый перевод и критические отклики. Платонов представлен в полифонической презентации новой русской литературы в Швеции: рассказ «Происхождение мастера» в антологии «14 советских русских писателей» (1929). Шведская критика включает Платонова в анализ русской советской литературы.

1960–1970-е гг.: имя Платонова «возвращено» в шведскую литературу. Издание шведской редакции романа «Чевенгур» – «Дон Кихот в революции» (1973) – и его критическое освоение.

1990–2010-е гг.: оформление феномена «шведского Платонова». Платонов в переводах К. Эберг Линдстен. Развитие шведского платоноведения.

2. В шведском переводоведении сложилась «чевенгурская традиция», не имеющая аналогов в мировой литературе: три перевода (Й. Ривкина, С. Вальмарка, К. Эберг Линдстен) в трех исторических (1929, 1973, 2016) и литературных (фрагментарной, сокращенной, полной) проекциях. Сравнение шведских переводов «Чевенгура» дает «объемное» представление об истории рецепции романа.

3. Все шведские переводы «Чевенгура» сделаны высоко профессионально, при этом каждый имеет особый художественно-эстетический профиль и свое историко-культурное задание.

Первый перевод Й. Ривкина (1929) познакомил шведского читателя с одним из ярких авторов современной советской литературы. Этим обусловлена установка переводчика на языковую и художественную точность.

Сокращенная редакция С. Вальмарка «Дон Кихот в революции» (1973) открыла Платонова шведским читателям в качестве автора возвращенной русской литературы. Задача переводчика состояла в «адаптации» произведения к «другим» этнокультурным, историческим, литературным контекстам и поиску универсальных художественных кодов.

Полный шведский перевод «Чевенгура» (2016) К. Эберг Линдстен учитывает накопленный текстологический, литературоведческий, переводческий опыт прочтений романа, утвердившегося в классическом фонде мировой литературы.

4. Творчество Платонова прочитывается в Швеции как «экзистенциальный эпос» (Т. Лане), где главный интерес изучения составляют связь исторических и онтологических, национальных и общечеловеческих проблем и их художественно-философское осмысление.

5. Значительный вклад в изучение творчества Платонова в Швеции внесли С. Вальмарк, П-А. Бодин, К. Эберг Линдстен, Т. Лане. Их деятельность способствовала стремительному развитию шведского платоноведения в XXI в. и популяризации творчества русского художника-философа в Швеции.

6. В Швеции творчество Платонова осмысляется в «зеркале» русской и мировой культур, традиций и исканий новейшей мировой литературы и философии. Это позволяет пересмотреть вывод Д. М. Шарыпкина о том, что в Скандинавии прочтение советских авторов было тенденциозно идеологическим. Рецепция творчества Платонова в Швеции показывает, что литературные связи глубже и шире политических установок времени. Они способствуют развитию широкого спектра межкультурных коммуникаций: от эстетических ценностей до этических устоев.

Теоретическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в современном платоноведении, переводоведении и сравнительном литературоведении, востребованы в комплексном изучении взаимодействия отечественной и европейской литератур и культур.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы при разработке курсов лекций по истории русской литературы XX – начала XXI вв., истории зарубежной литературы, сравнительному литературоведению, переводоведению, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных творчеству А. Платонова и рецепции русской литературы в Швеции, в подготовке художественных и научных изданий сочинений Платонова в России и Швеции.

Апробация результатов исследования

Основные положения научного исследования были представлены на VIII Всероссийской конференции «Евангельский текст в русской словесности: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, 2014), на VIII международной научной конференции, посвященной 115-летию со дня рождения А. П. Платонова «Андрея Платонов и его современники» (ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, Москва, 2014), на Всероссийской научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Нижегородский государственный университет им Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, 2014), на Международной научно-практической конференции «Стратегии жанрового развития русской литературы в мировом историко-культурном контексте» (Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2016), на Международной научно-практической конференции «Притяжение

Севера: язык, литература, социум» (Петрозаводский государственный университет, 2018).

По теме диссертации опубликовано 11 статей, пять из них в изданиях, рекомендованных ВАК. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедр классической филологии, русской литературы и журналистики, германской филологии и скандинавистики Петрозаводского государственного университета.

Структура диссертации включает введение, 3 главы, заключение, список использованной литературы, приложения.

Все цитаты из шведских источников приводятся в тексте диссертации в нашем переводе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, её актуальность, формулируются цели, задачи, методы исследования, научная новизна, объект и предмет работы, теоретическая и практическая значимость. Сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены научные труды, опорные для избранной темы, раскрыто содержание понятий «рецепция» и «редакция».

Во Введении представлен также краткий обзор истории рецепции русской литературы в Скандинавии и русско-шведского литературного диалога.

Первая глава «”Происхождение мастера”: первый шведский перевод и его историко-литературные контексты» посвящена прижизненной рецепции творчества А. Платонова в Швеции в 1920–1930 гг.

В первом разделе **«Антология “14 советских русских писателей“»** рассмотрен историко-литературный контекст перевода и издания в Швеции рассказа А. Платонова «Происхождение мастера», который был включен в состав антологии «14 советских русских писателей» (1929). Антология была подготовлена переводчиками Й. Ривкиным и Д. Брик, предисловие к сборнику написал А. Эстерлинг. Сборник «14 советских русских писателей» дал стереоскопическую и в этом смысле объективную, беспристрастную подборку принципиально разных по тематике и художественному ракурсу произведений русской прозы первого революционного времени, оценка и отбор которых осуществлялись, исходя из принципа художественной оригинальности (проблематики, образности, стилистики), а не реализации тех или иных идеологических и политических установок времени. Русская советская литература представлена в антологии произведениями Г. Алексеева, И. Бабеля, И. Эренбурга, В. Инбер, Вс. Иванова, А. Яковлева, Л. Леонова, В. Лидина, Б. Пильняка, А. Платонова, П. Романова, М. Шагинян, М. Зощенко, М. Волкова. Перевод и издание антологии «14 советских русских писателей» и рассказа «Происхождения мастера» важны для шведского понимания феномена советской литературы 1920-х гг.

и Платонова как советского русского писателя. Шведская критика (А. Эстерлинг, Р. Ротштейн, Ф. Бёк) восприняли творчество Платонова в «ансамбле» художественных версий о жизни в Советской России.

Второй раздел **«”Происхождение мастера” в переводе Й. Ривкина»**. Перевод на шведский язык произведения Платонова осуществил шведский редактор и переводчик Й. Ривкин, он проявлял большой интерес к революционной России и новой русской литературе. Для сборника «14 советских русских писателей» Й. Ривкин выбрал рассказ, опубликованный Платоновым в журнале «Красная Новь» в 1928 г. В советской критике рассказ «Происхождение мастера» не вызвал откликов, под критическим прицелом оказались одноимённые повесть и сборник, изданные в 1929 г. Сравнительный анализ рассказа и повести «Происхождение мастера» показал различия двух авторских редакций начала «Чевенгура» в сюжете и системе персонажей.

Рассказ «Происхождение мастера» – это произведение, «фактически» дистанцированное от новой советской жизни, но в конденсированной форме платоновского рассказа (языка и жанра) переводчик увидел исторический прогноз: Платонов в рассказе о старой, «ветхой», жизни развернул перспективу изображения с прошлого на настоящее и будущее. Й. Ривкину была интересна, в частности, эта повествовательная стратегия Платонова.

Третий раздел **«”Гносеологический сюжет” в шведском переводе»** посвящён проблеме перевода художественной философии рассказа «Происхождение мастера». Гносеологическая проблематика разворачивается в рассказе Платонова в трех уровнях: сюжете, системе персонажей и повествовании. Центральную роль в сюжете играет главный герой мастер Захар Павлович, ищущий истину. В системе персонажей важна подвижная граница нахождения персонажей ближе / дальше от разумной, сознательной жизни. Финал «Происхождения мастера» представляет собой гносеологический «узел»: если главный герой, мастер Захар Павлович, верит, что нашел новую жизнь, то повествователь сомневается в истинности обретенного им «искусного» мира – в подтексте утопии вырастает антиутопия.

Проблема поиска истины в шведском переводе акцентирована за счет подбора лексем мыслительной деятельности, восходящих к прилагательным-антонимам *разумный / неразумный (förståndig / oförståndig*), что обостряет гносеологическую оппозицию героев. Одновременно в шведском переводе сохранено несовпадение между движением персонажей от незнания к знанию, от старого к новому и их стремлением обрести истину. Двойной конфликт *ума / глупости* и *истины / знания* положен Й. Ривкиным в основу интерпретации гносеологической проблематики, образной системы, финала «Происхождение мастера».

В четвертом разделе **«Концепт ”ветхие опушки”: семантика и проблема перевода»** рассмотрен один из ключевых концептов романа. Слово-образ «ветхие опушки» из вводного фрагмента «Чевенгура»

(соответственно рассказа и повести «Происхождения мастера») по общему мнению исследователей, – один из главных семантических кодов художественного мира А. Платонова. Как и в романе «Чевенгур», вводный фрагмент играет важную роль в поэтике и проблематике рассказа «Происхождение мастера»: он проецирует ветхость человеческой жизни на настоящее и зримое будущее. Существуют разные подходы к интерпретации вводного фрагмента в платоноведении (исследования Н. В. Корниенко, М. Ю. Михеева, Х. Костов, И. А. Спиридоновой и др.). Учитывая то, что в словосочетании «ветхие опушки» реализуется библейская традиция, мы изучили шведский перевод концепта на предмет сохранения религиозной семантики. В шведском переводе библейский смысл лексемы *ветхий* утрачен. Причина кроется в различиях этнокультурных традиций – в разнице перевода Священного писания на русский и шведский языки, в том числе названия первой книги Библии: «Ветхий завет» и «Gamla Testamentet» (Старый Завет). Однако потеряв библейскую семантику при переводе вводного эпитета, Й. Ривкин усиливает библейское содержание в названии рассказа. Он переводит «Происхождение мастера» как «En mästares tillkomst», где обе лексемы имеют религиозное значение, закрепленное в культурной традиции, причем лексема *tillkomst* в большей степени, чем русское «происхождение». Компенсация, восстановление утраченного смысла, – одна из ярких особенностей первого шведского перевода.

В пятом разделе **«Сквозь советскую литературу»** анализируется научный обзор «Tvärsnitt genom sovjetlitteraturen» (1938), сделанный, как нам удалось установить, видным деятелем русской литературной эмиграции В. А. Шварц. Обзор советской литературы Шварц – первое опубликованное в Швеции исследование, где включено имя Платонова, а его творчество проанализировано в широком контексте советской и русской литературы еще при жизни писателя. Статья «Сквозь советскую литературу» относится к числу неизвестных источников, посвященных изучению современного литературного процесса в СССР. В нем Платонов стоит в перечне тех советских писателей, кто получил ярлык «врага народа». В центре внимания Шварц находится конфликт идеологии и литературы. В советской критике 1930-х гг. к Платонову закрепилось отношение как к идеологическому врагу (Л. Авербах, А. Фадеев, А. Гурвич и др.). В. Шварц определяет Платонова как непонятого советского писателя, преемника гуманистических традиций классической русской литературы – в таком «амплуа» Платонов был впервые представлен читателям в шведском литературоведении. Эта оценка В. Шварц стоит в препозиции к анализу творчества Платонова, данному другим ведущим критиком русского зарубежья Г. В. Адамовичем в статье «Шинель» (1939).

Вторая глава «“Дон Кихот в революции”: история перевода и рецензии романа “Чевенгур” в Швеции» состоит из 8 параграфов, в которых освещаются разные аспекты шведской рецепции романа

«Чевенгур», признанного в Швеции «одним из самых интересных европейских романов XX в.» (П.-А. Бодин).

Первый раздел «**Русская литература в шведских изданиях и переводах 1960–1970-х гг.»** посвящен изучению контекстов «возвращения» Платонова в шведскую литературу. Второе введение имени Андрея Платонова в шведскую культуру после паузы 1940–1950-х гг. состоялось в монографии Л. Э. Блумквиста «Русская литература после Сталина» (1968), где было переведено и размещено письмо А. И. Солженицына, адресованное IV Всесоюзному съезду советских писателей от 16 мая 1967 г. Вслед литературоведческой рецепции последовала переводческая: в 1973 г. известный шведский литературовед и переводчик С. Вальмарк делает шведский перевод романа «Чевенгур» – «Дон Кихот в революции».

Второй и третий разделы «**Название романа ”Чевенгур” в первых иностранных переводах»** и **«Донкихотовский код шведской редакции»** посвящены проблеме поэтики и семантики названия произведения. Отсутствие денотата у лексемы «Чевенгур» порождает бесконечное множество интерпретаций (работы О. Алейникова, А. Дырдина, М. Михеева, Е. Толстой-Сегал и др.). В первых зарубежных изданиях «Чевенгура» переводчики изменили «темное» название романа, выделяя, по их мнению, наиболее важные проблемно-тематические зоны в повествовании. Цель проведенного сравнительного анализа – показать, как изменение названия произведения влияет на восприятие текста. Были взяты 3 первые перевода, последовавшие за парижским изданием (1972) запрещенного в СССР романа: французский «Les herbes folles de Tchevengour» (1972), итальянский «Il Villaggio della nuova vita» (1972) и шведский «Don Quijote i revolutionen» (1973). Во французском переводе выделен вегетоморфный мотив «сорных трав», в итальянском – конфликт «старого» и «нового» миров. Название «Дон Кихот в революции» («Don Quijote i revolutionen»), придуманное шведским переводчиком С. Вальмарком, поставило произведение Платонова в диалогические отношения с классикой мировой литературы «Хитроумным идальго Дон Кихотом Ламанчским» М. де. Сервантеса, укорененным в шведской традиции классическим переводом Э. Линдфорса, а также оригинальными художественными вариантами образа Дон Кихота в произведениях шведских писателей разных литературных эпох и направлений (К. Альмквиста, А. Стриндберга, К. Г. В. Хейденстама, В. Экелунда, Г. Фрёдинга и др.). Общим в поэтике названий первых зарубежных переводов является то, что в них включены образы мировой культуры (природный, цивилизационный, литературный), играющие важную роль в чевенгурском повествовании.

Шведскому переводчику С. Вальмарку в романе Платонова о русской революции и попытке строительства «самодельного» коммунизма в СССР важно было актуализировать вечный конфликт мечты и действительности, чему и служит выведенный из подтекста в заглавие «донкихотовский» код произведения. Сравнительно-типологический анализ «Чевенгура» с

испанским эпосом показывает существенные признаки сходства в жанровой полифонии романа-путешествия и гротескной образности.

В четвертом разделе **«Образная параллель ”Дон Кихот – Гамлет” в переводе С. Вальмарка»** проанализирована художественная реконструкция сюжета и образной структуры «Чевенгура» в шведском переводе «Дон Кихот в революции».

Делая образ Дон Кихота именным в шведской редакции романа Платонова, Вальмарк подключает разные традиции изображения Дон Кихота, сложившиеся в шведской литературе, и одновременно открывает новое – платоновское – содержание. Классические интерпретации А. Стриндберга и Г. Фрёдинга составляют в шведской литературе внутреннюю образную оппозицию: Дон Кихот Фрёдинга – это герой веры и подвига во имя идеальных начал жизни. У Стриндберга Дон Кихот – это герой, потерявший веру в высшие начала и возможность их земного осуществления. При этом и Стриндберг, и Фрёдинг обыгрывают хронотопический аспект – перемещение в пространстве и времени. В интерпретации классиков шведской литературы Дон Кихот – это странник, блуждающий на просторах вселенной без четкого целеполагания. Этот аспект исключительно важен и в подтекстной семантике и поэтике образа Дон Кихота в романе А. Платонова.

Важную роль в «Чевенгуре» играет констелляция «донкихотовского» и «гамлетовского» кодов. Образная параллель Дон Кихот – Гамлет отражает в романе Платонова внутреннюю полемику между служением революционному идеалу и сомнением, оформляет жанровый синтез утопии и антиутопии. При переводе С. Вальмарк ищет способы адаптации оригинального, сложного по форме и содержанию романа Платонова. Сюжет и система персонажей «Чевенгура» даны переводчиком в «Дон Кихоте в революции» в особой системе конденсации – текстовых стяжений с исключением целого ряда эпизодов, сцен, образов. Образ Дон Кихота персонифицировано закреплен в шведской редакции за Степаном Копенкиным. Отказ от множественного представления донкихотства в революции в пользу персонального закрепления в одном герое происходит по аналогии с «Дон Кихотом» Сервантеса. Делая перевод с первой парижской публикации «Чевенгура» (1972), где отсутствовала дореволюционная часть повествования, Вальмарк интуитивно в значительно меньшей степени «редактирует» образ и сюжетную линию Саши Дванова – «русского Гамлета» в революции. Анализ показал, что в шведской редакции «Дон Кихот в революции» при формальном нарушении баланса литературных кодов структурный принцип констелляции сохранен: «гамлетизм» представлен сущностной чертой «рыцарей революции».

Оригинальный перевод-редакция Вальмарка сохранил дух и стиль платоновского романа, представил творчество русского писателя в диалоге с мировой литературой.

В пятом разделе **«Роман “Чевенгур” (“Дон Кихот в революции”) в шведской критике и литературоведении»** представлены шведские научные

и публицистические работы, посвященные роману «Дон Кихот в революции». С учетом того, что первая шведская редакция «Дон Кихот в революции» (1973) имеет существенные отличия от оригинального текста «Чевенгура», полный шведский перевод которого был сделан К. Эберг Линдстен (2016), мы разделили шведскую научно-критическую рецепцию романа Платонова на две части – «донкихотовскую» и «чевенгурскую». «Чевенгурская» часть рассмотрена в шестом разделе.

Диапазон шведских исследований, посвященных роману «Чевенгур» («Дон Кихот в революции»), – достаточно широкий: это статьи авторитетных литературоведов и критиков Н. О. Нильссона, П.-А. Бодина, П. Викторссона, С. Йонссона, Г. Страндберга, Т. Лане, Л. Шёквист и др. Особое значение имеют первые критические обзоры С. Вальмарка и Н. О. Нильссона, которые сопроводили появление первого шведского перевода, представили Платонова и его произведение шведскому читателю. В них было прокомментировано проблемно-тематическое, сюжетное, образное своеобразие «Чевенгура». В последующих исследованиях П.-А. Бодина, П. Викторссона, Т. Лане и др. предметом рассмотрения стали жанр, язык, стиль, поэтика и философия художественного текста.

Особенность шведской научно-критической рецепции «Чевенгура» («Дон Кихот в революции») состоит в том, что с самого начала освоение художественной «экзистенции» Платонова шло в широком историко-литературном контексте мировой литературы.

В шестом разделе **«”Чевенгур” в переводе Кайсы Эберг Линдстен»** даны история появления полного шведского перевода романа «Чевенгур» (2016), биография и профессиональный портрет переводчицы Кайсы Эберг Линдстен, её деятельность в качестве русско-шведского переводчика и роль в популяризации творчества А. Платонова в Швеции.

В современном шведском платоноведении К. Эберг Линдстен – «первое лицо»: на шведский язык ею переведены «Котлован» (2007), «Счастливая Москва» (2008), «Джан» (2009), «Чевенгур» (2016) – все эти переводы отличает «калейдоскопическая точность» и художественное мастерство. Качество перевода высоко отмечено шведскими литературоведами: «Чевенгур» признан «лучшим переводом» 2016 г. Перевод Эберг Линдстен сделан с учетом опыта английских и французских переводов «Чевенгура», предшествующих шведских переводов Й. Ривкина «Происхождение мастера» и С. Вальмарка «Дон Кихот в революции», чем подвел своеобразный итог переводческим рецепциям «Чевенгура» и дал «новую жизнь» платоновскому роману в Швеции.

Седьмой раздел **«Обзор шведских рецензий на роман ”Чевенгур” в переводе К. Эберг Линдстен»** представляет спектр современных шведских интерпретаций романа «Чевенгур». Одна из особенностей современной рецепции – это амбивалентный взгляд на творчество Платонова. Платонов в шведских прочтениях – это писатель, стирающий границы между реализмом, сюрреализмом и абсурдом (М. Перссон, С. Йонссон и др.). «Чевенгур»

воспринят шведами как новаторский роман, в котором Платонов экспериментирует с жанром, языком, стилем, образами (Д. Йонссон, М. Хамберг, М. Перссон). Одновременно роман зачислен в классический фонд мировой литературы, где на материале русской национальной истории писатель по-новому поставил «вечные» темы.

В заключительном разделе **«Проблема интерпретации ”евнуха души человека…” в диалоге российского и шведского литературоведения»** рассмотрен один из центральных фрагментов романа «евнух души человека» в его современном шведском и российском прочтении. Отсутствие единства в определении роли «евнуха души человека» в художественном пространстве романа и разные подходы к его изучению обусловлены его полифункциональным статусом в художественном тексте (образ, мотив, метафора, идеологема).

В параграфе рассмотрены переводческие и литературоведческие интерпретации фрагмента. В переводе С. Вальмарка «Дон Кихот в революции» лексическое оформление образа «евнуха души человека» (*människoandens eunuck*) включает его в «гамлетовский код»: возникающий в повествовании образ подчеркивает религиозно-мистическое содержание гамлетизма Александра Дванова. В переводе «Чевенгура» К. Эберг Линдстен в образе «евнуха души человека» (*människosjälens eunuck*) акцентируется объективно-психологическое раздвоение героя. В анализе научно-критических интерпретаций использованы работы отечественных ученых (В. А. Подороги, А. А. Дырдина, М. А. Дмитровской, Е. И. Колесниковой, Е. А. Яблокова, М. Ю. Михеева, И. А. Спиридоновой и др.). Семантика и роль «евнуха души человека» в оригинальном русском тексте «Чевенгура» стали предметом исследования в работах шведских славистов Л. Шёквист и Т. Лане. Данный фрагмент рассмотрен с разных точек зрения и в разном понятийном аппарате (сон, нарратив, сознание), тем не менее, в их исследованиях есть точка схождения – образная параллель «евнуха души человека» с «ангелом», которая задана культурной семантикой лексемы *евнух* в шведском языке.

В третьей главе «”Философская трилогия” (”Котлован”, ”Счастливая Москва”, ”Джан”) в шведском восприятии» рассмотрены особенности литературно-критической рецепции произведений А. Платонова, написанных в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Из объемного ряда произведений Платонова, созданных в данный период и объединенных темой строительства социализма, в центре шведского внимания на рубеже XX–XXI вв. оказываются повести «Котлован» и «Джан» и роман «Счастливая Москва», которые в шведском прочтении составили «философскую трилогию». Открывает главу краткий обзор истории создания и первых публикаций произведений в СССР / России.

В первом разделе **«Роль обложки в презентации произведений А. Платонова»** проанализирован такой способ «погружения» читателя в мир литературного произведения, как визуализация: представление словесного

образа через изобразительное искусство. Особенно важна роль обложки, которая представляет собой результат осмысления книжным художником темы, проблематики, сюжета, героев произведения и творчества писателя в целом, концентрировано передает дух книги, времени, культуры, жизни. Прозе Андрея Платонова свойственна низкая степень визуализации[1], любая возможность опереться при чтении на изобразительный ряд представляет большой интерес. Художественное оформление «философской трилогии» («Котлована» (2007), «Счастливой Москвы» (2008), «Джана» (2009)) сделано в одном концептуальном ключе. Издания имеют яркое художественное оформление, представляющее эпоху строительства социализма: на обложки помещены фрагменты картин советских художников 1930-х гг. А. Н. Волкова, А. Н. Самохвалова, А. Дейнеки. Картины советских художников, положенные в основу оформления обложек, написаны в то же время, что и «Котлован», «Счастливая Москва», «Джан», типологически соотносятся и находятся в творческом диалоге с последними в художественном воссоздании эпохи.

Второй раздел **«Язык советской эпохи в произведениях А. Платонова в переводе К. Эберг Линдстен»** посвящен изучению способов передачи семантики слов-советизмов на шведский язык. Советизмы – неотъемлемая часть языковой картины мира советской эпохи. Советский лексикон не всегда понятен современному русскому человеку и является большой проблемой для иностранного читателя. В параграфе рассмотрены такие способы передачи языковых реалий советской эпохи в произведениях Платонова на шведский язык, как транслитерация, калькирование, описательная конструкция и др. К. Эберг Линдстен варьирует эти приемы, ищет оптимальные варианты перевода советской лексики на шведский язык, чтобы сохранить и передать органичность, пластичность платоновского художественного текста в его диалоге с официальным языком времени.

В третьем разделе «**Повесть ”Котлован” в шведских исследованиях»** в центре внимания три аспекта: особенность шведского перевода названия повести, специфика шведской жанровой системы в определении жанра «Котлована» и рецепция художественно-философской проблемы абсурда, возникающей в художественном мире Платонова как причина и следствие экзистенциального кризиса, разрыва идеала и действительности.

В первом параграфе **«”Grundningsgropen” / ”Grundgropen” – шведские аналоги названия ”Котлована”»** проанализированы два перевода названия «Котлован» на шведский язык. Название *grundningsgropen* использовано в работах П.-А. Бодина и Л. Э. Блумквиста, они первыми обратились к изучению «Котлована» в Швеции; в других источниках используется лексема *grundgropen*. По мнению К. Эберг Линдстен, первое название звучит сегодня архаично, «необыкновенно» для современного носителя шведского языка, однако в поэтике названий произведений Платонова архаика присутствует (например, «Эфирный тракт»). Учитывая

[1] Злыднева Н. В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М. : «Индрик», 2008. С. 210.

общее происхождение этих слов, заметим, что в обоих переводах присутствует как базовый смысл «строительная площадка под возведение здания», так и добавочный. Слово *grund* актуализирует семантику неконтролируемости, стихийности через значение «воды»; идею единения, реализуемую значением «земельный участок, принадлежащий обществу, народу, государству». Гибельный подтекст, который является центральным в «Котловане», передает лексема *grundgrav* «раскопки под сооружение / возведение здания», состоящая из морфем *grund* (основа) и *grav* (могила). Во всех вариантах шведский перевод «уходит» от буквальности к метафорическому представлению содержания с актуализацией добавочных оттенков значений.

Во втором параграфе **«Категория жанра»** рассматривается проблема определения жанровой природы «Котлована». Изучение «Котлована» шведскими филологами-славистами началось значительно раньше появления шведского перевода. Философско-символический подтекст повести, языковые особенности, своеобразие художественной системы произведения стали предметом осмысления еще в 1990-е гг. в работах Л. Э. Блумквиста и П.-А. Бодина. Уже в работах этих исследователей жанрово-тематические особенности произведения занимают центральное место. Сегодня восприятие и интерпретация жанра – одна из актуальных проблем рецепции творчества Платонова в шведском литературоведении. Под «жанром» понимается генетически сформировавшийся вид литературного произведения, обладающий особой системой приемов с доминирующими приемами-признаками[2]. Это категория поэтики, обеспечивающая целостность произведения и его восприятия, для неё характерна неразрывная связь между формой и содержанием. По мнению С. И. Красовской, произведения Платонова «подобны системе зеркал» и часто являют метажанровое единство[3]. В шведском литературоведении разночтения в понимании жанра «Котлована» связаны не только с многожанровой синтетической природой произведений Платонова, но также с отсутствием в шведском литературоведении терминологически точного определения жанра, соответствующего термину «повесть» в отечественной теории литературы. В вопросе определения жанра произведения используются следующие термины: *roman* – роман; *berättelse* – рассказ, повесть, *novell* – рассказ, новелла, *kort roman* – повесть, *lång novell* – повесть (досл. длинный рассказ). Чаще всего в шведской критике «Котлован» определяется через термин *berättelse*, который акцентирует внимание на смысловом объеме сочинения как художественного высказывания. *Berättelse* (нарратив) является своеобразной метажанровой основой, соединяющей между собой противоположные жанры (к примеру, рассказ и роман, утопию и антиутопию). Его использование в шведском литературоведении делает

---

[2] Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. Москва : Аспект Пресс, 1999. 334 с.

[3] Красовская С. И. Художественная проза А. П. Платонова: жанры и жанровые процессы. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2005. С. 301.

второстепенным формальный подход в определении жанра, но углубляет содержательный: повесть «Котлован» прочитывается в Швеции как философский метажанр.

В третьем параграфе **«Категория абсурда»** анализируются шведские научные, публицистические источники, где «Котлован» трактуется с позиции абсурда, категории поэтики и философской проблемы осмысления человеческой жизни. В шведском платоноведении взгляд исследователей обращен как к фундаментальным философским проблемам человеческой жизни, так и к эстетике абсурда: его роли в формировании жанра, образной системы, стилевых особенностей произведения. Три уровня реализации эффекта абсурда (по Ю. А. Лени): логический, гносеологический, онто-телеологический помогают раскрыть «объем» понятия в повести. Абсурд в шведском прочтении (работы П.-А. Бодина, М. Нюдаля, У. Эрикссона, А. Хаглунд) – ведущая характеристика мировоззрения героев, образной системы, языка, архитектоники произведения. Гротескно-искаженный способ изображения действительности в повести «Котлован» приближает Платонова в шведском прочтении к писателям-сюрреалистам. Абсурдистская поэтика «Котлована» отражает кризис смыслов и ценностей, утрату надежд, диктатуру «самотека истории» над человеком, при этом Платонов не отрицает, но трагически заостряет в повести проблемы жизни и человека, экзистенции и аксиологии.

В четвертом разделе **«Роман ”Счастливая Москва”: проблема героя»** освещены шведские критические отклики на произведение, переведенное К. Эберг Линдстен и изданное в 2008 г. В Швеции роман «Счастливая Москва» был встречен серией отзывов в крупных периодических печатных изданиях («Svenska Dagbladet», «Aftonbladet», «Dagens Nyheter» и др.). Большинство рецензий датированы 2008 г., то есть годом выхода шведской версии романа. Литературные критики (М. Экман, Я. Карлссон, Б. Лёвстрем и др.) видели свою задачу в том, чтобы познакомить читателей с новым романом, определить его место в творчестве писателя, указать особенности прочтения текста. Персонажи в «Счастливой Москве» прокомментированы шведским профессором И. Сандомирской. Она выделяет в системе персонажей два типологических конфликта. Герои, стремясь реализовать утопию, пытаются спасти мир от катастрофы и для этого проводят исследования, что-то изобретают, лечат людей. Неосуществимость утопии приводит к внутренней разбалансировке. Однако герои существуют внутри системы, которая оформлена понятиями «дисциплина, надежность и умеренность» (шв. «disciplin, trygghet och måttfullhet»). Представления героев о лучшей жизни, как и сами герои, находятся внутри этой системы, которая изначально не несет счастья.

Основное внимание в шведских исследованиях уделено интерпретации главного женского образа Москвы Честновой, который имеет амбивалентную природу: «женщина / город», «женщина / мужчина», «кумир / изгой», «мадонна / проститутка», «ребенок / валькирия». Образ главной героини,

вобравшей в себя трагические противоречия советской идеологии и жизни, шведские критики интерпретируют с опорой на сложившиеся в мировой культуре и литературе образы.

В параграфе **«Образная параллель Москва Честнова – Каспар Хаузер»** рассмотрены типологические схождения, которые выделены в шведской критике между героем европейской мифологии и литературы Каспаром Хаузером и героиней Платонова Москвой Честновой. Каспар Хаузер (Гаузер) – знаковая фигура в европейской культуре. Загадочная и трагическая история молодого человека «без прошлого», по легенде – инфанта-узника, превратилась в популярный европейский миф. Ему посвящен роман Я. Вассермана «Каспар Хаузер или Леность сердца» (1908), имевший резонанс в шведской культуре на протяжении XX–XXI вв. Шведская критика обратила внимание на типологическую общность в характерах и биографиях столь разных героев: сиротство, утрата памяти о прошлом, «чистота» души, инфантильность. Герои жаждут счастливого будущего и становятся изгоями настоящего. Это сравнение позволяет по-новому увидеть платоновскую героиню: её «инаковость» и причины, по которым приемная «дочь революции» уходит из «советского мира». В современном литературоведении эта образная параллель расширяет горизонт восприятия романа Платонова.

Пятый раздел «**Повесть ”Джан” в Швеции»** состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе рассмотрен **«”Литературный коммунизм” Платонова»**, художественной версией которого, по мнению шведских критиков и литературоведов, стала повесть «Джан». В шведской литературе закрепилось представление о Платонове как о советском писателе, вдохновленном социалистическими / коммунистическими идеалами. При этом шведские исследователи и критики видят различие между официальной коммунистической литературой и тем, что пишет Платонов. В шведской рецепции творчество Платонова названо «литературным коммунизмом» (М. Шубак), художественно воплощающим иной коммунизм – душевный, идеальный. Ключ к прочтению «литературного коммунизма» шведские исследователи видят в изучении мифологического и библейского подтекстов повести.

Во втором параграфе **«Близнечный миф в повести ”Джан” А. Платонова и новелле ”Ормузд и Ариман” К. Ю. Альмквиста»** рассмотрен наиболее значимый в мифопоэтике повести Платонова зороастрийский миф об Ормузде и Аримане, который играет важную роль в развертывании этических, социальных и философских проблем. Проблемы «сотворения» нового мира, утопии и жизни сближают творчество Платонова с творчеством шведского прозаика XIX в. К. Ю. Альмквистом, который в сатирическом рассказе «Ормузд и Ариман» использовал близнечный миф для представления двух антитетичных моделей социального развития. В работе предпринят сравнительно-типологический анализ поэтики и идеологии мифа в произведениях Альмквиста и Платонова. Альмквист включает героев мифа

в идейную полемику нового времени. В социально-философском диалоге братьев у Альмквиста поставлена проблема силового («насаждение») и саморазвивающегося социума, в котором происходит естественное «взращивание» гражданского идеала и его реализация.

Зороастрийский миф у Платонова, как и у Альмквиста, актуализирует проблему идеала и действительности, цели и средства в истории. Близнечный миф составил в «Джане» сюжет в сюжете. В повести мифологический сюжет «перевернут»: воплощающий в иранской мифологии зло Ариман в платоновской трактовке мифа лишен явных отрицательных качеств, а Ормузд, идеальное божество, теряет свою безупречность. Писатель, изменяя миф, выстраивает образные параллели героев мифа с персонажами произведения. В авторской версии образа Ормузда прочитывается равнодушие власти к народным страданиям: представителем равнодушной власти в художественном настоящем повести выступает Нур-Мухаммед; в образе Аримана – народ джан и Назар Чагатаев. Языком мифа Платонов вновь ставит вопрос об административно-военном социализме, спущенном сверху, и душевном – народном. По мнению писателя, реализовать идеал социализма можно только тогда, когда народ и власть услышат друг друга.

Разнясь в литературной обработке мифа, Альмквист и Платонов близки в его идеологической интерпретации: в творчестве обоих авторов звучит тема опасности трансформации культурного героя в мессию.

В третьем параграфе **«Концепт ”душа” в повести ”Джан” в свете библейской традиции»** исследуется важнейший смысловой компонент художественного мира Платонова *душа* и его перевод на шведский язык. Это центральная характеристика человека в художественном мире Платонова (в «Усомнившемся Макаре», «Сокровенном человеке», «Счастливой Москве», «Чевенгуре» и др.) Важность *души* Платонов подчеркивает названием повести: «джан» в авторской расшифровке – это «душа, которая ищет счастье». Писатель создает повесть, в которой главный герой и народ джан проходят путь восстановления, воскресения души. Видение Платоновым социалистического / коммунистического устройства не совпадает с официальным: «душевный коммунизм» писателя прижизненная критика оценит как «юродство» и «клевету» на советскую жизнь (А. Гурвич). «Душевный коммунизм» Платонова и философско-мировоззренческое наполнение концепта *душа* в «Джане» опираются на народную христианскую традицию.

В повести важна оппозиция сборное / соборное единение: сборное (насильственное, механическое, объединяющее в смерти) – это метод осуществления утопии-антиутопии, которому следует партийный бюрократ и делец Нур-Мухаммед, соборное единение – метод коммуниста по сердцу и совести Назара Чагатаева.

В параграфе рассмотрено смысловое наполнение *души* в русской и шведской культурах, в оригинальном тексте Платонова и переводе К. Эберг Линдстен. Душевное счастье в русской и шведской культурных

традициях неразрывно связано с сердцеведением. Христианский пласт смыслов актуализируется в «Джане» и шведском переводе устойчивой связью *души* и *сердца*. В шведской критике и литературоведении проблема «духовного окормления» у Платонова является одной из центральных. Прочтение повести «Джан» без обращения к христианской традиции, по мнению П.-А. Бодина, Г. Страндберга и др., обедняет понимание содержания художественного текста.

В шестом параграфе **«"Революция и экзистенция: прочтения А. Платонова". Обзор современного шведского платоноведения»** рассмотрена литературоведческая рецепция творчества Платонова с конца XX в. по настоящее время. Внимание к Платонову в Швеции идет по нарастающей: в конце XX в. произошел коренной переворот в изучении творчества Платонова от кратких и редких рецензий к углубленному комплексному изучению его художественного наследия.

Возросшее количество исследователей и исследований свидетельствует о сформировавшейся платоноведческой школе в Швеции: П.-А. Бодин, Л. Шёквист, Т. Лане, И. Сандомирская, Г. Страндберг, К. Эберг Линдстен и др. Идет изучение жанрового аспекта художественного мира Платонова (П-А. Бодин, М. Нюдаль, Л. Э. Блумквист, М. Шубак), типологии творчества (С. Йонссон), нарратива (Л. Шёквист, Т. Лане), поэтики абсурда (А. Хаглунд, М. Нюдаль), точки зрения (Т. Лане, П-А. Бодин), специфики образной системы (Я. Карлссон, Х. Хальгрен, Л. Шёквист, Т. Лане, П-А. Бодин, К. Эберг Линдстен), проблем «духовного окормления» (А. Тихий), идеала и действительности (П. Викторссон, П.-А. Бодин, Г. Страндберг), памяти (Т. Лане), отчуждения (Г. Страндберг), экономики и счастья (И. Сандомирская). Особое внимание в шведском платоноведении уделено проблеме художник и время: «разрыву» Платонова с официальной советской идеологией и «возвращению» к национальным и мировым духовным ценностям (П. Уртман, М. Юнггрен, Т. Лане, Л. Шёквист, П-А. Бодин, К. Эберг Линдстен, С. Йонссон, С. Эгрен и др.).

Важным событием стал научный симпозиум «Андрей Платонов: революция и экзистенция», состоявшийся в 2014 г. в Сёдертёрнском университете. Симпозиум способствовал углублению понимания творчества Платонова, активизации литературоведческих исследований и популяризации феномена Платонова среди читателей. Широкий спектр вопросов от языковых особенностей до философско-мировоззренческого контекста творчества писателя стал предметом оживленных дискуссий. Симпозиум стал мощнейшим толчком развития шведского платоноведения. Одним из итогов симпозиума стало издание фундаментальной коллективной монографии – первой на шведском языке – посвященной изучению творчества Платонова в историко-литературном контексте «Революция и экзистенция: чтения Андрея Платонова» (ред. Т. Лане).

В **заключении** представлены основные результаты диссертационного исследования, намечены перспективы дальнейшего исследования.

В динамике шведской имагологии Платонов был воспринят шведскими читателями и критиками 1920–1930-х гг. как советский писатель. Он вошел в шведскую литературу в полифонической презентации советской литературы как один из ее ярких авторов, чья творческая судьба на родине отразила общую судьбу писателя и литературы в СССР. В 1960–1970-е гг. Платонов был прочитан как «возвращенный» автор русской литературы. Сегодня он признан в Швеции классиком мировой литературы и является одним из наиболее востребованных в шведской культуре писателей. Шведский «портрет» писателя звучит так: Платонов – «культовый» (С. Эгрен), ставший символом русской литературы советского периода писатель, художник-визионер, чей талант сопоставим с талантом величайших художников мировой литературы: М. де. Сервантесом, Н. В. Гоголем, Ф. Достоевским, С. Беккетом, Ф. Кафкой, Я. Вассерманом и др.

Творчество Платонова осваивалось в Швеции по двум направлениям: через переводы произведений писателя на шведский язык и в литературоведческих исследованиях шведских славистов. Анализ динамики взаимодействия переводческой и литературоведческой рецепций показывает, что на двух первых этапах решающую роль играли переводы и издания произведений писателя в Швеции. На современном этапе филологические исследования стали важной мотивацией появления шведских переводов («Котлована», «Джана», нового полного перевода «Чевенгура»).

Изучение шведской рецепции творчества Платонова представляет безусловный интерес для отечественного литературоведения, так как открывает новое видение авторского письма, национальной специфики и универсалий художественного мира писателя. За рамками проделанной работы остались вопросы рецепции малой прозы Платонова, образа русского писателя в шведских СМИ, влияния Платонова на шведскую литературу – эти и другие проблемы имеют потенциал для дальнейшего исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК

1. Романовская, И. В. История первой публикации Андрея Платонова в Швеции / И. В. Романовская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. : Общественные и гуманитарные науки. — 2014. — № 3 (140). — С. 79—82.

2. Романовская, И. В. Концепт «душа» в повести А. Платонова «Джан» / И. В. Романовская // Проблемы исторической поэтики. Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков. — 2014. — № 9. — С. 499—511.

3. Романовская, И. В. Роман А. Платонова «Счастливая Москва» в шведской рецепции / И. В. Романовская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 2 (2). — С. 203—208.

4. Романовская, И. В. Категория абсурда в повести А. Платонова «Котлован»: к вопросу о шведской рецепции / И. В. Романовская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. : Общественные и гуманитарные науки. — 2016. — № 3 (156). — С. 104—108.

5. Романовская, И. В. «Евнух души человека…» в романе А. Платонова «Чевенгур» : диалог российского и шведского литературоведения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. : Общественные и гуманитарные науки. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2017. — № 1 (162). — С. 110—115.

В других изданиях

6. Романовская, И. В. Современное шведское платоноведение / И. В. Романовская // Studia Humanitatis Borealis. — 2014. — № 2 (3) — С. 63—68.

7. Романовская, И. В. Рецепция творчества А. Платонова в Швеции: жанровый аспект / И. В. Романовская // Стратегии жанрового развития русской литературы в мировом историко-культурном контексте : сб. науч. ст. Междунар. научно-практич. конф., Брест, 16—17 марта 2016 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол. : Л. М. Садко [и др.] ; под общ. ред. Т. В. Сенькевич. — Брест : БрГУ, 2016. — С. 182—186.

8. Романовская, И. В. Роль обложки в презентации и рецепции произведений А. Платонова в Швеции / И. В. Романовская // Studia Humanitatis Borealis. — 2016. — № 1 (6). — С. 46—55.

9. Романовская, И. В. «14 советских русских писателей»: повесть «Происхождение мастера» и её контексты / И. В. Романовская // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. — Вып. 8. Андрей Платонов и его современники. Исследования и материалы ; отв.ред.

Н. В. Корниенко ; сост. М. В. Богомолова, Е. А. Роженцева. — Москва : ИМЛИ РАН, 2017. — 659 с. С. 101—110.

10. Романовская, И. В. Донкихотовский герой в шведском переводе романа «Чевенгур» А. Платонова «Дон Кихот в революции» / И. В. Романовская // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. — Екатеринбург : УРФУ, 2018. — С. 141—146.

11. Романовская, И. В. А. Платонов и советская литература в шведском обзоре В. А. Шварц «Сквозь советскую литературу» (1938) / И. В. Романовская // Притяжение Севера: язык, литература, социум [в 2 ч.] : материалы I Международной научно-практической конференции [Электронный ресурс] : науч. электрон. изд. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. — Ч. 1. — С. 128–134.